

**ПЕРЕВОД КОНЦЕПТОВ «WANDERN» И «REISEN» НА РУССКИЙ
И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ И РУССКАЯ ТЕМА В НОВЕЛЛЕ Т. МАННА
«СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ»**

*Работа представлена кафедрой зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. Г. Зусман*

В статье рассматриваются переводы концептов «wandern» и «reisen» в новелле Т. Манна «Смерть в Венеции», анализ которых позволяет выявить существенные расхождения в текстах оригинала и переводов. Подобные расхождения являются ментально, культурно и литературно обусловленными и позволяют глубже понять акценты, содержащиеся в оригинале, в частности, в отношении концептов, составляющих «русский пласт» новеллы.

The article is devoted to translation of the concepts «wandern» and «reisen» in «Death in Venice» by Thomas Mann, the analysis of which brings to light serious discrepancies between the original text and translations. The discrepancies are mentally, culturally and literary determined and give an opportunity to understand nuisances of the original deeper, in particular, of concepts forming «Russian layer» of the novel.

Творчеству Томаса Манна посвящено огромное количество исследований, однако со временем приобретают актуальность все новые аспекты, недостаточно

изученные как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Одним из таких аспектов является анализ переводов произведений Томаса Манна, в ча-

стности анализ переводов художественных концептов.

В современную эпоху интеграции особую важность приобретает межкультурная коммуникация, важнейшим элементом которой является перевод. По сути, любая межкультурная коммуникация представляет перевод концептов одной культуры на языки других культур, и именно здесь возникают многочисленные проблемы.

Прежде чем приступить к анализу переводов концептов, представляется целесообразным раскрыть содержание термина «концепт», являющегося ключевым для настоящей статьи. Вслед за Ю. С. Степановым концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека, пучок понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово»¹. Концепт является единицей сравнительно новой науки – концептологии. В отличие от культурно-исторической школы, где литература рассматривалась как иллюстрация общественной мысли, для современной концептологии литературный текст интересен с точки зрения выраженных в нем концептов.

С. А. Аскольдов предложил разделение всех концептов на художественные и познавательные². Если познавательные концепты максимально приближаются к понятию и характеризуются фиксированным, «неподвижным» значением, художественные концепты допускают множественные интерпретации, зависящие от угла зрения читателя и возникающие в процессе восприятия ассоциаций, которые неизбежно приносят в художественный концепт элемент субъективности и зыбкости. Именно при переводе художественных концептов и возникает огромное количество проблем, так как перед переводчиком стоит задача не просто перевести словарное значение слова, выражающего тот или иной концепт, но и попытаться передать или хотя бы намекнуть на ассоциативное поле, возникающее в связи с данным концептом у носителей языка оригинала, учесть лингвистические и экстралингвистические факторы, воз-

действовавшие на автора, его мировоззрение. Таким образом, при переводе произведения на другой язык концепт претерпевает неизбежные трансформации, наполняется новыми смыслами, меняется ассоциативное поле концепта.

Переводы произведений Томаса Манна представляют в этой связи особый интерес. Будучи одним из самых «немецких» писателей, Т. Манн при этом обладал поразительной чуткостью к чужим культурам, с присущим ему любопытством пытался проникнуть в самую суть характера народов, являющихся их носителями.

Выбор русского и английских переводов в качестве основных для предпринятого анализа не случаен. На протяжении всего двадцатого столетия в данных странах не угасал взаимный интерес друг к другу, имели место многочисленные культурные, в частности литературные, влияния и взаимодействия, развивался сложный процесс взаимного сближения и отталкивания культур. На фоне моды на все русское, охватившей Европу первой половины века, позиция Томаса Манна занимает особое место. В его публицистике и художественных произведениях Россия предстает в ином свете, чем в творчестве таких его немецкоязычных современников, как С. Цвейг, Г. Гессе, Г. Манн, Ф. Кафка и др. Томас Манн никогда не идеализировал Россию, принимая ее во всей сложности и противоречивости.

Интерес к России, постоянное обращение к творчеству русских классиков, попытки проследить общие черты в судьбах России и Германии во многом определили мировоззрение Томаса Манна. Недаром произведения немецкого классика часто изобилуют русскими характерами, а значит, и «русскими концептами». Однако не стоит забывать, что, несмотря на всю их «русскость», концепты эти стали порождением немецкого ума, они «русские» с поправкой на то, что Томас Манн не был носителем русской культуры, не знал по-русски ни слова и понимал Россию в контексте собственных взглядов и мировоззрения, сло-

жившегося в Европе на рубеже веков. Уместнее, возможно, говорить о концептах немецкой культуры, которые в ходе анализа произведений Томаса Манна представляются возможным отнести к «русской теме» в творчестве писателя

В статье рассматриваются переводы новеллы на английский язык Хелен Лоуи-Портер (Н. Т. Lowe-Porter), Кеннета Берка (Kenneth Burke) и Дэвида Люка (David Luke), который является самым поздним из перечисленных работ. Существует еще несколько переводов новеллы «Смерть в Венеции» на английский, однако они представляются малодоступными и неизвестными широкому читателю. На русский язык новелла переведена Натальей Ман.

Концепты «wandern» и «reisen» являются одними из ключевых концептов новеллы «Смерть в Венеции» (1911). В силу ряда причин представляется возможным говорить о них как о концептах, связанных у Томаса Манна с Азией вообще и с Россией в частности (немецкий писатель часто понимает славянское начало очень широко, ставя знак равенства с азиатским³). В новелле путь, путешествие постоянно сопровождаются образами, связанными с Востоком, Азией, славянскими мотивами (византийская часовня, греческий, христианский крест, доминирующий славянский элемент на итальянском курорте, азиатская холера). Дорога в произведениях Томаса Манна не просто означает перемещение героя из одной точки пространства в другую. Всякая поездка является поворотным моментом в жизни персонажа. В ассоциативное поле концепта «путь» в новелле, как и в творчестве Т. Манна вообще, входят такие элементы, как перемены, забвение, свобода, бродяжничество, разрыв установившихся связей. «Как и оно [время], пространство рождает забвение»⁴ (пер. мой. – Е. Б.)⁵, – пишет автор в первой главе романа «Волшебная гора».

Мотив странничества входит на страницы новеллы с появлением чужестранца, неожиданно возникшего на ступенях визан-

тийской часовни на пустынной улице Мюнхена. Интересны метаморфозы, которые «переживает» чужестранец в разных переводах новеллы. Внешность его сильно отличается от баварской, особенно бастовая шляпа, которая, как говорится в тексте оригинала, «ihm den Kopf bedeckte, seinem Aussehen ein Gepraege des Fremdlaendischen und Weitherkommenden verlieh»⁶. В русском переводе Натальи Ман он является в качестве «чужеземца, пришельца из дальних краев»⁷, что достаточно точно передает смысл оригинала. В переводе на английский Лоуи-Портер чужеземность передается эпитетом «exotic»⁸, имеющим более узкий смысл и носящим ярко выраженный оценочный характер, отсутствующий у Томаса Манна. Экзотический налет во внешности незнакомца сохраняется и в переводе Люка. Берк более буквально следует оригиналу, переводя «Fremdlaendischen» как «foreigner»⁹ – иностранец, иноземец. Однако в переводе Берка утрачивается немаловажная составляющая концепта «Fremdlaendischen» – чужестранец, чужой, которая в английском соответствует лексеме «stranger». Здесь, вероятно, сказывается склонность английской ментальности к конкретике, буквальности и однозначности, противостоящей метафизичности и философичности немцев и русских.

Далее в немецком тексте возникает образ «das Wandererhafte in der Erscheinung des Fremden»¹⁰. Концепт «der Fremde» в немецком языке обладает широким ассоциативным полем, куда входят такие составляющие, как иностранец, чужеземец, приезжий, незнакомец, чужой, посторонний. В русском переводе употребляется лексема «незнакомец», лишь частично совпадающая с концептом оригинала, нося более узкий, частный характер.

После встречи с незнакомцем и самого Ашенбаха внезапно охватила жажда перемены мест, он задумался о путешествии (die Reise: «Reisen also, – er war es zufrieden»¹¹). В английских переводах дается вполне нейтральный перевод: «die Reise» передается

через «journey» (Х. Лоуи-Портер), «to travel» (К. Берк, Д. Люк).

В русском переводе возникает концепт, который отсутствует как в оригинале, так и в английских переводах в силу своей национальной специфики. Н. Ман переводит фразу следующим образом: «Итак, в дорогу – и будь что будет!»¹² Хронотоп дороги не совпадает с немецким «reisen» или английскими «journey» и «travelling», не обладая присущими немецкому и английским понятиям наличию цели, являясь гораздо более широким и всеобъемлющим. Концепт «дорога» является одним из ключевых концептов русской культуры. В «Ассоциативном тезаурисе современного русского языка» под редакцией Ю. Н. Караулова приведены следующие ассоциации, возникающие у носителей языка в связи с лексемой «дорога»: в никуда! Без конца, в жизнь, в ад, в рай, грязь¹³. Здесь выявляется метафизический смысл концепта и отсутствие направленности, целеустремленности: дорога в никуда! Это подтверждает тезис о иррациональности мировосприятия русского народа, непостижимости и непредсказуемости «русской жизни», о которых пишет А. Вежбицкая¹⁴.

Густав Ашенбах мечтает о «Einschaltung not, etwas Stegreifdasein, Tagedieberei, Fernluft und Zufuhr neuen Blutes»¹⁵. «Fern» – дальний, чужой, превращается у Лоуи-Портер в нейтральный «other air», потеряв всю эмоциональную насыщенность и богатство ассоциаций, в то время как у Берка герой мечтает о простой перемене мест – «change of air». Интересен ход Д. Люка – чуждость, чужеземность он попытался выразить при помощи фразы на итальянском – «some dolce far niente»¹⁶, однако это привело к совсем обратному результату: отрывок приобретает игриво-расслабленный характер, тогда как в оригинале нет никакого намека на «dolce». В русском переводе «Stegreifdasein» превращается в «толику бродячей жизни»¹⁷, в ассоциативное поле концепта «путь» проникает мотив бродяжничества, бесцельного скитания по свету, в которое русский

человек пускается скорее от безделья и скуки и которое звучит несколько неожиданно, когда речь идет о трудолюбивом писателе, привыкшем к размеренному образу жизни, да еще и немце.

Следующее далее выражение, переключаясь со смыслом, заложенным в русском концепте «дорога», – «дорога в никуда» – «будь что будет» в одно мгновение превращает именитого писателя в опрометчивого искателя приключений, полагающегося на пресловутое русское «авось»¹⁸. Здесь перед нами возникает русский фатализм, смирение русского человека перед судьбой, о чем не раз писали различные исследователи. Г. Федотов в своей работе о русском национальном характере противопоставляет «активизм Запада» «фатализму Востока»¹⁹. Данная коннотация отсутствует как в тексте оригинала («er war es zufrieden»), так и в английских переводах («very well, then» – Д. Люк, «that much was settled» – К. Берк, «Good, then...» – Х. Лоуи-Портер).

В русском переводе в ассоциативном поле концепта «wandern» сохраняется мотив странничества. «Das Wanderhafte in der Erscheinung des Fremden» Н. Ман переводит следующим образом: «Незнакомец походил на странника»²⁰. В русском переводе «странник» сохраняет заложенный в концепт «wandern» нравственный момент, путь превращается в «путь к истине», «путь к богу», а через это и в «путь к себе». В ассоциативном тезаурисе под редакцией Ю. Н. Караулова слово «странник» сопровождается такими ассоциациями, как «вечный, незнакомый, мудрый, чужой»²¹. В английских версиях новеллы наиболее близким представляется соответствие «pilgrim», встречающееся в переводе Лоуи-Портер²². В оксфордском этимологическом словаре английского языка «pilgrim» определяется как «человек, путешествующий (обычно на далекие расстояния) в святые места, совершающий акт религиозного служения»²³. Однако в других английских переводах, в частности у К. Берка, подобный ассоциативный ряд полностью утерян. Он

говорит лишь об «exotic element in the stranger's appearance»²⁴.

Однако русский «странник» и английский «pilgrim» совпадают лишь отчасти в значении, связанном с религией. Русская «вера» и западная «религиозность» не являются тождественными. Странник на Руси далеко не всегда являлся человеком, следующим в святые места. Как уже говорилось выше, странник – это человек, ищущий высшей мудрости, мира в себе и мира со всем миром, часто страстотерпец, «странный человек», уважаемый, но не всегда находящий понимание в народе, «юродивый».

Анализ нескольких примеров, далеко не исчерпывающих весь ассоциативный ряд концептов «wandern» и «reisen», позволяет

выявить существенные расхождения в текстах оригинала и переводов, которые иногда объясняются некоторой небрежностью и своеволием переводчика, однако в большинстве случаев носят глубоко концептуальный характер, являются ментально, культурно и литературно обусловленными. Анализ русского перевода рассматриваемых концептов позволяет выявить не только национальные ментальные и культурные особенности, отражающиеся в русском языке (которые становятся еще более очевидными при сопоставлении с переводами на другие языки, в данном случае – на английский), но и точнее определить специфику представлений, сложившихся у Томаса Манна о России и русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С. 40.

² Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 269.

³ Это находит особенно яркое выражение на страницах романа «Волшебная гора». В качестве иллюстрации можно процитировать одно из многочисленных заявлений итальянца Сеттембрини, относящееся к отношению ко времени на Западе и на Востоке: «...варварское безудержное расточение времени – чисто азиатский стиль, – может быть, поэтому сынам Востока так и нравится здесь. Вы не заметили, что когда русский говорит «четыре часа», это все равно, что кто-нибудь из нас говорит «один?»» (пер. В. Куррела и В. Станкевич. Курсив мой. – Е. Б.). Манн Т. Волшебная гора // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959–1961. Т. 3. С. 337.

⁴ Gleich ihr [Zeit] erzeugt er [Raum] Vergessen.

⁵ Mann T. Der Zauberberg. Frankfurt am Main, 2002. S. 12.

⁶ Mann T. Der Tod in Venedig // Thoman Mann. Erzählungen. Frankfurt am Main, 2003. S. 170.

⁷ «Обличье у него было отнюдь не баварское, да и широкополая бастовая шляпа, покрывавшая его голову, придавала ему вид чужеземца, пришельца из дальних краев». Манн Т. Смерть в Венеции / Пер. Н. Манн // Манн Т. Новеллы. Лота в Веймаре. М., 1986. С. 125.

⁸ Mann T. Death in Venice. Translated by H.T. Lowe-Porter. London, 1979. P. 14.

⁹ Mann T. Death in Venice. Translated by Kenneth Burke. New York, 1965. P. 5.

¹⁰ Mann T. Der Tod in Venedig // Thoman Mann. Erzählungen. Frankfurt am Main, 2003. S. 171.

¹¹ Ibid. S. 174.

¹² Манн Т. Смерть в Венеции. С. 129.

¹³ Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1996. С. 55.

¹⁴ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М., 1996. С. 33.

¹⁵ Mann T. Der Tod in Venedig // Thoman Mann. Erzählungen. Frankfurt am Main, 2003. S. 174.

¹⁶ Mann T. Death in Venice // Death in Venice and Other Stories. Translated and with an Introduction by David Luke. London, 1996. P. 201.

¹⁷ «...необходимы перемены, толика бродячей жизни, даром потраченные дни, чужой воздух и приток новой крови...» Манн Т. Смерть в Венеции. С. 129.

¹⁸ Вежбицкая А. Указ. соч. С. 76.

¹⁹ Федотов Г. Новый град: Сб. статей. Нью-Йорк, 1952. С. 74.

²⁰ Манн Т. Смерть в Венеции. С. 126.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

²¹ Ассоциативный тезаурус современного русского языка. С. 271.

²² *Mann T. Death in Venice. Translated by H.T. Lowe-Porter. London, 1979. P. 14.*

²³ One who journeys (usually a long distance) to some sacred place, as an act of religious devotion. The Oxford Dictionary of English Etymology. Edited by C. T. Onions. Oxford, 1966. P. 680.

²⁴ Нечто экзотическое во внешности незнакомца (пер. мой. – Е. Б.). *Mann T. Death in Venice. Translated from German by Kenneth Burke. New York, 1965. P.199.*